

В. Ермолаев

Пензенский край в Отечественной войне 1812 года

«Сталинское знамя» Пенза

В. ЕРМОЛАЕВ

Пензенский край в отечественной войне 1812 года

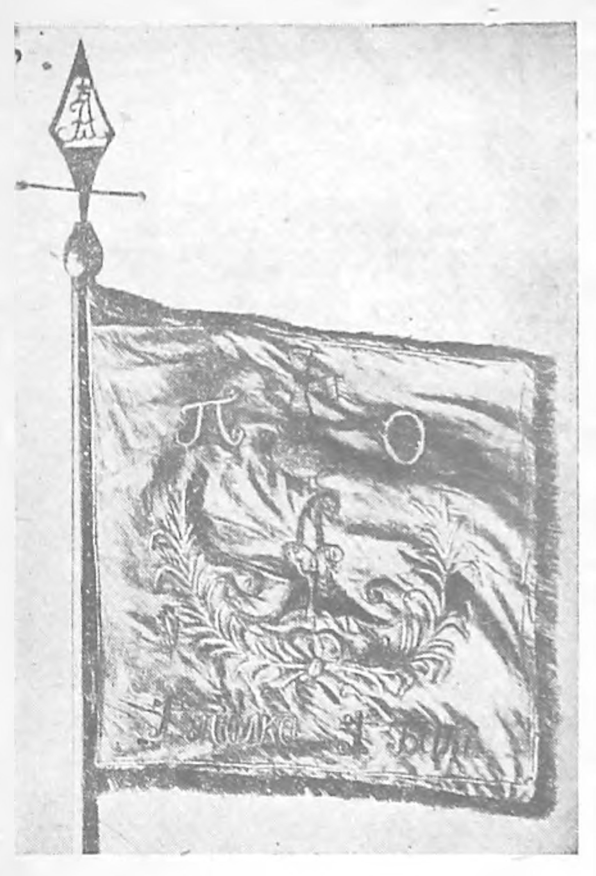
Издательство газеты „Сталинское знамя"
Пенза 1945

Ответственный редактор Н. И. Страхов.
Редактор издательства А. В. Храбровицкий.
Художник А. П. Баринов.
Корректор О. П. Гароза.

ФЛ06154. Заказ № 1059. Подписано к печати 12 мая 1945 года.
Об'ем 1,25 печ. листа. Тираж 5.000. Цена 3 рубля

Типо-литография издательства «Сталинское знамя»,
Пенза, ул. Кирова, 65.

Знамя одной из частей Пензенского ополчения 1812—1814 годов (хранится в Пензенском музее).

„Двенадцатый год — это народная эпопея, память о которой перейдет в века и не умрет, покуда будет жить русский народ"

М. Е. Салтыков Щедрин.

I.

В начале XIX века Пенза считалась далеким городом и местом ссылки. Самые важные известия доходили до Пензы с большим опозданием. Слухи почти всегда опережали официальные известия.

15 августа 1811 года на приеме дипломатического корпуса в Париже Наполеон с оскорбительной речью обратился к русскому послу Куракину. Царь Александр первый писал после этого своей сестре, что «военные действия могут начаться с минуты на минуту».

Слухи об оскорблении русского посла, о заключении тайного союза Наполеона с Австрией и Пруссией вызывали широкое обсуждение в провинции.

Не ускользнули от народного внимания и русские приготовления к войне—частые рекрутские наборы и быстрота отправки рекрутов в военные депо, увеличение налогов, гербового сбора, отправка лучших лошадей в армию.

Для населения Пензенского края было заметно передвижение военных депо на запад. До конца 1811 года большинство рекрутов-пензенцев направлялось в Уфимское депо, в конце 1811 года пензенских рекрутов стали отправлять в Нижний Новгород, а вскоре депо переместилось уже в город Змиев.

Продукция фабрик и заводов, имевшая ранее только местный сбыт, начала вывозиться в Москву на государственные и военные нужды. Так, с воскобойного завода графа Разумовского в Чембарском уезде было отправлено в Москву 500 пудов свечей, с Нижне-Шкафтинского завода графа Шувалова была отправлена туда же вся годовая продукция— 4.500 кож. Суконная фабрика генерала Мерлина в селе Голицыно Нижне-Ломовского уезда, вырабатывавшая ранее различные сукна, со второй половины 1811 года перешла исключительно на выработку солдатского сукна и изготовила за год 15.840 аршин сурового и крашеного солдатского сукна. *)

Очевидная неизбежность и ожидание нападения врага вызвали уже перед войной патриотический под'ем и поток добровольных пожертвований в пользу армии. Известный мемуарист пензенский дворянин Ф. Ф. Вигель в своих «Записках» пишет: «Все чувствовали, что при наступлении решительной,

*) Канцелярия пензенского губернатора, дело № 383. лист 352.

окончательной борьбы государству нужны всевозможные вспомогательные средства». *)

За месяц с 18 мая по 20 июня 1812 года пензенцы сформировали Тамбовский пехотный полк. Не только людской состав полка, но и снаряжение, обмундирование и продовольствие поставлялись для него добровольными взносами пензенцев. Денежные пожертвования в губернии с 8 мая по 6 июня 1812 года составили 39.625 рублей. Сборы денег сочетались со сборами натурой—холстом, кожами, хлебом, крупой. Огромный гурт быков, собранный патриотами для снабжения армии, был отправлен в начале июня из Пензы к Вильно.

В делах канцелярии пензенского губернатора за 1812 год мы находим ряд взволнованных патриотических писем пензенцев, написанных еще до начала военных действий.

«Спешу из'явить мое усердие к пожертвованию в пользу государства, к содействию же к тому моего расположения при сем прилагаю сто пятьдесят рублей», — писал губернатору 5 июня 1812 года из Рамзая отец будущего писателя М. Н. Загоскина Николай Михайлович Загоскин.

Бабушка М. Ю. Лермонтова—Елизавета Алексеевна Арсеньева, посылая 8 июня 1812 года деньги губернатору князю Голицыну,

---

*) Ф. Ф. Вигель. «Записки». М. 1928 г., том I стр. 376.

написала: «За счастье себе поставляю быть участницей в приношении для пользы отечества, при сем препровождаю вашему сиятельству 100 рублей».*)

Городищенский дворянин Матвей Соловцов, «поднесший на славу отечества» 100 рублей, через месяц стал добровольно сотенным командиром пензенских ополченцев.

В ночь на 24 июня 1812 года, без об'явления войны, армия Наполеона начала переход через реку Неман, отделявшую русскую границу от Польши.

Известие об этом в Пензе было получено только на 19-й день. Вигель сообщает, что чиновник, посланный из Пензы с гуртом быков к Вильно, не мог довести их до места назначения. «Он воротился на курьерских и сказывал, между прочим, что Наполеон уже в Вильне».

Хранящееся в Пензенском архиве письмо дворянина А. П. Вельяшева ярко характеризует могучий патриотический под'ем, охвативший русское общество. Вельяшев, находившийся в Рыбинске, писал отцу в Пензу о решении покинуть штатскую службу и просил благословения итти на защиту отечества:

«Есть ли предопределенно умереть, то по крайней мере умереть должно с честью, а носить имя излишнего тунеядца или предателя своего отечества (ибо всякий, кто теперь

---

*) Канцелярия пензенского губернатора, дело 414

остается невооруженным и не поспешит на поле брани, не может избегнуть сего названия) несносно. Лучше не жить, чем быть спокойным зрителем нещастий, угнетающих государство».

Письмо Вельяшева заканчивается следующими словами: «Если меры будут приняты с твердостью и надлежащей решимостью, если употребят все те способы, которые Россия имеет, то Бонапарт и со всею челядью своей пропал совершенно, несмотря на то, что он в Москве».*)

Имеется много свидетельств активной помощи, которую оказывало действующей армии население Пензенского края.

Непосредственно после Бородинской битвы из Пензы было отправлено 9.650 пудов соли, собранной для армии, и 2.602 вола с фурами, для использования их на работах в действующей армии ввиду острой нужды в лошадях. Комиссаром для сопровождения волов к армии Кутузова был назначен купец Михаил Переплетчиков, который «исправлял должность свою добропорядочно», за что получил благодарность губернского начальства.

Хлебородная и сравнительно близкая к фронтам войны Пензенская губерния имела большое значение для продовольственного снабжения армии.

---

*) Пензенский областной архив. Фонд ученой архивной комиссии, дело 430, листы 735—742.

Полевым работам уделялось большое внимание. Губернатор еще с ранней весны каждые 10 дней запрашивал уездных предводителей о состоянии озимых хлебов и посеве яровых. Когда он получил рапорт, что в Пензенском и Нижне-Ломовском уездах «яровой хлеб весь урожая худого», то на уход за яровыми и уборку в этих уездах было обращено особое внимание.

Многие данные говорят, что урожай в 1812 году был собран ранее и более обильный, чем в 1811 году.

После обмолота хлебов пензенцы организовали для армии большой обоз продовольствия и снаряжения. В октябре 1812 года обоз из Пензы отправился на Калугу к действующей армии, которая вела в это время жестокие бои у Тарутина и Малоярославца.

Обоз пензенцев состоял из 408 окованных повозок с двойной парой запасных частей для каждой повозки, 900 лошадей и 413 добровольцев-повозчиков. Повозки были нагружены продовольствием и фуражом—там было 4.800 пудов сухарей, 4.250 пудов крупы, около 10.000 пудов овса и т.д. Вместе со снаряжением и продовольствием пензенцы собрали и послали войску 131.235 рублей.*)

Ответственным за доставку обоза к армии был назначен губернатором Н. В. Загоскин—дядя писателя, проявивший исключительную

*) Канцелярия пензенского губернатора, дело 561, листы 473—500.

энергию и способность в снабжении воинских частей, находившихся на территории губернии. Давая распоряжение Загоскину об отправке обоза в Калугу, губернатор Голицын написал: «Я уверен, что Вы со своей стороны употребите все старание и деятельность в доставлении обоза вашего к армии в таком виде, в каком оный был составлен и вывезен из Пензы».*)

Пензенцы оказывали помощь беженцам. Наибольшее количество беженцев в Пензе было из Смоленской и Витебской губерний. В пользу смоленских семей были собраны различные предметы домашнего обихода, продовольствие и 1.000 рублей деньгами. Организовавшиеся для помощи семьям, пострадавшим от войны, патриотические женские общества собирали для беженцев дрова, свечи, с'естные припасы, домашнюю утварь, одежду. Особенно широко помощь беженцам оказывалась в Городище, Мокшане, Наровчате и Нижнем Ломове.

В сборе средств на нужды армии и для беженцев приняло участие наряду с другими сословиями и духовенство, установившее при церквах жертвенные кружки «для добровольного на сей предмет подаяния». Епископ пензенский и саратовский Афанасий, возглавивший патриотическое движение духовенства,

---

*) Канцелярия пензенского губернатора, дело 561, лист 520.

сам внес «единовременное приношение» в 1.000 рублей. Протоиерей г. Кузнецка Федор Молдавский для сбора пожертвований по селам послал в уезд священника Иону Кузнецкого, которому удалось собрать 1.039 рублей. Чембарский священник Василий Трифонов, родственник отца В. Г. Белинского, собрал 65 рублей. *)

Сохранились свидетельства заботы пензенцев о раненых воинах, находившихся на излечении в лазаретах Пензенской губернии. Крестьяне и горожане приносили раненым не только пищу и одежду, но и отопляли лазареты. В деле дворянского депутатского собрания «о вернувшихся из гошпиталей воинах» мы находим интересную запись: «Лазареты в Наровчате снабжались дровами от обывателей города Наровчата».**)

Общая сумма пожертвований, сделанных пензенцами в войну 1812 года, «по приведении оных к сложным делам, бывшим в губернии», составила огромную сумму в 2 миллиона 475 тысяч 848 рублей. В эту сумму не могла быть включена разнообразная помощь пензенских крестьян беженцам, раненым и оставшимся без крова.

*) Пензенская духовная консистория, дело 641, листы 20—166.

**) Фонд дворянского депутатского собрания, дело 378, лист 515.

* * *

В войне с Россией Наполеон широко использовал шпионаж. Он наводнил Россию шпионами и лазутчиками. Пензенцам также пришлось встретиться с наполеоновскими лазутчиками и повести с ними жестокую борьбу.

В сентябре 1812 года к губернатору был доставлен подозрительный человек, который на базаре «сеял страх и панику» среди народа. Он назвал себя беженцем Витебской губернии Степаном Рычковым. Дело о нем рассматривал губернатор. Выяснилось, что это был крупный французский шпион, отправленный вместе с четырьмя другими шпионами из Смоленска по приказанию самого Наполеона в поволжские губернии для распространения ложных слухов и фальшивых денег.

С особой бдительностью относились пензенцы к военнопленным и сосланным иностранцам. Интересен случай разоблачения сосланного в Пензу французского офицера Жана Боньє, распространявшего вражеские вымыслы о предстоящем приходе в Пензу Наполеона, о гибели русского войска. Крестьянин Иванов, находившийся в толпе, к которой обращался Боньє, подошел к нему и со словами: «Как ты смеешь так говорить» потащил его в полицию. По распоряжению

губернатора Боньe был посажен в тюрьму под строжайший надзор.*)

Кутузов и Багратион придавали большое значение борьбе со шпионами как в армии, так и в тылу. В одном из документов сообщается: «По воле его светлости господина генерала-фельдмаршала главнокомандующего армиями князя Михайлы Ларионовича Голенищева-Кутузова Смоленского, профессоров Калишского кадетского корпуса Удо и Матье, взятых по подозрению, требует отправить их прямейшим трактом Удо в Уфу, а Матье в Пензу».**)

В числе многих лиц, заподозренных в шпионаже, Багратион выслал из Волынской губернии в Пензу двух влиятельных и богатых польских помещиков—графа Валевского и графиню Рышевскую, которая, по слухам, составила и распространяла воззвание к украинским помещикам о торжественной встрече Наполеону. Сын Рышевской, служивший ранее в русской гвардии, перебежал на службу к Наполеону.

Купив один из самых больших домов в Пензе, Рышевская начала собирать вокруг себя сосланных иностранцев. Полиция еще не догадывалась о вреде сборищ у Рышевской,

---

*) Канцелярия пензенского губернатора, дело №№ 419, 424.

**) Там же, дело 430.

а горожане насторожились и, не скрывая, называли Рышевскую шпионкой, а ее дом «недобрым домом».

Вигель в своих «Записках» сообщает: «На другой день по получении известия о взятии Москвы праздновала она (Рышевская) у себя сие счастливое событие с двумя французами — Радюльфом и Магьером. Все комнаты были освещены. Но радостное спокойствие сего торжества было внезапно нарушено. Град камней из карманов и рук двух человек, ехавших мимо верхом, посыпался в ее окна и все стекла разбил вдребезги».*)

В селах и деревнях были организованы круглосуточные дежурства крестьян с целью охраны селений и бдительного надзора за проходящими и бродяжными людьми.

* * *

Но ни в каком другом деле патриотизм русского народа в войне 1812 года не вылился столь ярко и выразительно, как в рекрутских наборах и сборе народного ополчения.

Современники были изумлены воодушевлением при рекрутских наборах. В мирное время рекрутов провожали в армию с воплями, стонами, рыданиями. Рекрута хоронили заживо, зная, что жизнь солдата мало чем отли-

*) Вигель. «Записки», т. II, стр 15, а также дело 421 фонда канцелярии пензенского губернатора.

чалась от тюремной жизни. Среди солдат была распространена популярная песенка:

«Я отечеству защита,
А спина моя избита.
Я отечеству отрада,
В тычках, палках—вся награда».

Так было до отечественной войны. Совершенно иную картину мы наблюдаем в 1812 году. Русские люди, вставшие перед угрозой иноземного порабощения, с великой охотой шли в рекруты. «Радость была написана на лице тех, на коих пал жребий; семейства их, жены, матери осыпали их ласками, целовали, миловали, дарили, чем могли. «Голубчик, ведь ты идешь за нас...», — повторяли они.»*)

В 1812 году только с 17 апреля по 30 ноября было произведено 3 рекрутских набора и собрано 8.132 рекрута. После непродолжительного обучения в Пензе ратники партиями по 450 человек отправлялись для экипировки в Арзамас, Орел, Змиев, а затем, влившись в сформированные части регулярной русской армии, уходили сражаться с врагом.

Среди пензенских рекрутов мы встречаем сотни героев, участвовавших в боях в продолжение 1812—1814 годов. Особенное отличие показали рядовые Федор Богатырев, Сав-

---

*) Вигель. «Записки», часть IV, изд. 1892 г., стр. 47.

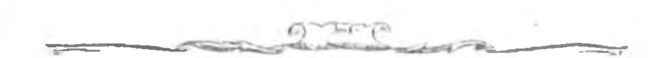
ва Семибратов, Филипп Федоров, Захар Шевяков и офицер Алексей Васильев. Все они были награждены медалями в память вступления русских войск в Париж.

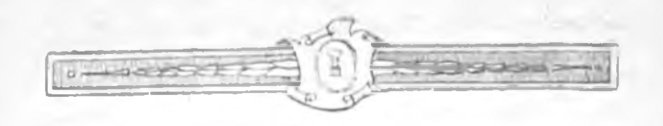
Служивший в Пензе коллежским регистратором сын дьячка Алексей Васильев был зачислен в 1811 году в конный полк рядовым. «За отличную храбрость в сражениях против неприятельских войск был произведен в число обер-офицеров». Рядовой Филипп Федоров, бывший рабочий завода в Пензе, показал образец храбрости при штурме гор парижского Монмартра. Савва Семибратов, крепостной помещика Ляпунова из села Никольского Керенского уезда, отличился в боях с французами при городе Кобрине, где за храбрость награжден георгиевским крестом, отличился затем при Борисове, Калише и заграницей в сражениях в Германии, где за участие в знаменитой Лейпцигской битве награжден медалью.

Еще большую славу стяжал себе рядовой ратник Ольвиопольского гусарского полка Федор Богатырев, крестьянин села Бессоновки—помещика Салтыкова, служивший после войны сторожем Пензенской палаты уголовного суда. Богатырев вступил в ратную службу в 1808 году и уже в апреле 1809 года получил боевое крещение в турецкой войне при блокаде Браиловской крепости. В 1810 году при штурме города Базаржука

Богатырев проявил себя смелым и отчаянным кавалеристом, за что получил медаль с надписью «За Базаржук».

В июле 1812 года, после заключения мира с Турцией, полк, в котором служил Богатырев, был направлен для боевых действий против наполеоновских войск. Богатырев стал участником ряда сражений, в том числе Лейпцигской битвы, сражения под Парижем, показывая повсюду пример стойкости, неустрашимости и выносливости. Раненый 20 октября 1813 года при городе Франкфурте-на-Майне «в спину в хрестец пикою», он уж через два дня—22 октября—участвовал в бою. Участник 24 сражений и штурмов 18 вражеских крепостей, пензенский ратник Федор Васильевич Богатырев может служить образцом мужества и отваги русского солдата.

II.

Народные ополчения 1812 года создавались как резерв в помощь регулярным силам русской армии. Возникли они в результате патриотического воодушевления народных масс.

Царь Александр I и реакционное дворянство боялись, что вооружённые крестьяне будут расправляться с помещиками. «Мы еще не знаем, как повернется русский народ», — говорил по поводу организации крестьянских дружин московский генерал-губернатор граф Растопчин. *)

Но организацию крестьянских дружин, создававшихся стихийно, в ходе войны, остановить было невозможно. 30 июля 1812 года царь издал манифест о создании народного ополчения. «Составляемая ныне внутренняя сила,—говорилось в манифесте,—не есть милиция или рекрутский набор, но временное

*) С. Глинка. «Записки». СПБ. 1895. стр. 255.

верных сынов России ополчение, устрояемое из предосторожности, в подкрепление войскам и для надежнейшего охранения Отечества. Каждый из военачальников и воинов при новом звании своем сохраняет прежнее, даже не принуждается к перемене одежды, и по прошествии надобности, то есть по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честью и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям».

Манифест вызвал в Пензенской губернии широкое патриотическое движение. Современники отмечают, что, как и при ратных наборах 1812 года, народ собирался на улицах, на городских площадях, как в праздник, большими толпами. Повсюду произносились зажигательные речи и возгласы, призывавшие на защиту отечества.

Красноречивый священник города Краснослободска Фома Меликов на городской площади призывал ополчиться против врага:

«Граждане, — говорил Меликов, — вот француз взошел в нашу Россию, сказывают, где бы он ни шел, везде жгет и грабит, сказывают, что он злодей. Как же нам не ополчиться, как не вооружиться, целые российские города лежат покрытые пеплом...

Вечная память Минину, нельзя не помянуть столь достойного мужа. Граждане! Этот Минин был нижегородский мещанин. Когда

поляки пленили Москву, тогда Минин первый открыл любовь свою к отечеству, первый стал говорить к своим согражданам: «Братья, Москва пленена, Россия падает. Что же мы думаем? Чего ждем? Пойдемте наголову побьем врагов и защитим отечество, а для содержания войска—вот мое имущество, давайте и вы свое». Собравшись под предводительством Пожарского, наши воины прогнали врагов, Москву очистили, и российское царство, так сказать, уже умершее, опять воскресло и прославилось. Помните и знаменитых предков наших... помните их мужество при Дмитрии Донском против Мамая, при Петре Великом против шведов. Докажем, граждане, что мы россы!

Тиран, говорю, привык всегда питаться кровью человеческой, он не терпит мирного времени. О, какой зверь, какой нечестивец, кроме корсиканца, может делать столь неслыханные злодеяния! Пади, изверг! Пади, муж злобы, муж крови и беззакония! Что же нам после таковых опасностей остается? Унывать? Отчаиваться? Отдаться на волю тирана, принять его оковы? Нет, нет, любезные соотечественники! Достойный сын родины скажет: «Разорви грудь мою, сердце мое, вот оно! Но я не умру, не омыв меча своего в крови твоей, не распылив полчища твои и не уничтожив дерзостных замыслов твоих и завоеваний. О, сыны доблести! Если бы все на-

роды одушевлены были таким же героизмом, такою любовью к соотечественникам, мог ли бы корсиканец думать о завоеваниях столь неправедных и насильственных, мог ли бы враг поднять оружие и нанести Европе столь чувствительный удар, разорив и опустошив почти все могущественные державы?!» *)

После подобных речей крестьяне и горожане толпами шли добровольцами в комитет ополчения. Сохранившиеся в Пензенском областном архиве документы показывают воодушевление всех слоев населения при сборе народного ополчения.

Егор Антонов и Наум Степанов, служившие ямщиками на почтовой станции Селикса, одними из первых подали прошение о зачислении их ополченцами. Смотритель дорог 2-го класса губернский секретарь Ищасин из'явил желание поступить в пехотный полк ополчения. Отставные подпоручики Сергей Охлябинин и Николай Ермолаев—оба из Пензы, Матвей Соловцов из Городища пожелали стать сотенными командирами. В прошении губернатору Соловцов писал: «Подаю согласие к служению воинскому — жертвовать жизнью за свое любезное отечество». Избранный в Городищенском уезде в провиантские комиссионеры прапорщик Подбельский ушел добровольцем в 3-й конный полк ополчения.

---

*) Канцелярия пензенского губернатора, дело 174

В Пензенское ополчение поступил добровольцем по примеру своего брата—знаменитого впоследствии писателя Михаила Николаевича Загоскина (служившего в Петербургском ополчении) 20-летний поручик гвардии Маркел Загоскин и его дядя—отставной флота капитан-лейтенант Н. В. Загоскин. Добровольцами ополчения были также наровчатский уездный землемер Пекарский, трое братьев Языковых—Михаил, Сергей и Гаврила Яковлевичи, братья Веленяпины—Николай и Иван, и многие другие.

Имелись случаи побегов крестьян от помещиков с целью поступления в ополчение. Крестьянин села Старый Майдан Нижне-Ломовского уезда Фрол Макаров убежал в Царицынский уезд и там подложно, под именем местного жителя Никиты Федорова, поступил в ополчение.

Одежда ополченцев мало отличалась от обычной крестьянской одежды. Каждый ополченец имел при себе «кафтан, шаровары из крестьянского сукна, полушубок, две рубахи, двое портов, кушак, подвертки, сапоги, рукавицы с варьгами и платком, три пары запасных лаптей, мешок для поклажи, 2 рубля денег и на 3 месяца провианта». Сначала было постановлено, что одежда ополченца будет серого цвета, но «как в здешней губернии ткутся обыкновенно сукна разных цветов, то по сей необходимости дворянство постано-

вило иметь одеяние на воинах без различия цветов». *)

В октябре 1812 года Пензенское ополчение было окончательно сформировано в дивизию, состоявшую из 4-х полков—трех пехотных и одного конного, общим количеством в 9.847 воинов.

В дополнение к этому первому ополчению позднее было собрано второе резервное ополчение из 4.641 воина. Таким образом, общее количество ополченцев составило 14.488 человек. Общее же количество воинов, выставленных Пензенской губернией, вместе с ратниками Тамбовского полка и другими, набранными в 1812 году, исчисляется более чем в 22.000 человек, то есть 1/19 мужского населения губернии.**) Самое большое число ополченцев было набрано по Мокшанскому и Пензенскому уездам.

Пензенское ополчение вошло в 3-й поволжский округ всероссийского народного ополчения, командующим которым был назначен способный и энергичный генерал-лейтенант граф П. А. Толстой. Начальником Пензенской ополченской дивизии Толстой назначил отставного генерал-майора Н. Ф. Кишенского, участника многих сражений и походов. Выдающимися командирами пензен-

---

*) Канцелярия пензенского губернатора, дело 561, лист 294

**) Канцелярия пензенского губернатора, дело 561, листы 659—660.

ских полков были полковники Дмитриев и Селунский. Командир 2-го пехотного полка Дмитриев стал впоследствии начальником всего Пензенского ополчения.

Иван Дмитриевич Дмитриев, дворянин - однодворец села Богородского Мокшанского уезда, принадлежит к числу замечательных воинов-земляков. Вступив в 1796 году в службу 15-летним мальчиком, он уже на 26 году жизни стал полковником. Дмитриев участвовал во всех крупных сражениях с французами в 1805 — 1807 годах. Формулярный список о службе Дмитриева, хранящийся в Пензенском облархиве, говорит о его славных подвигах в знаменитом Аустерлицком сражении: «1805 года ноября 20 дня австрийского владения под местечком Аустерлицами в действительном с французами сражении был, где ранен и за отличие получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». Действуя во главе Пензенского ополчения, Дмитриев за примерное руководство и личную отвагу был награжден тремя орденами.

Умным и храбрым военачальником был командир 1-го пехотного пензенского полка полковник Ксенофонт Иванович Селунский. В знаменитых суворовских полках—Екатеринославском и Апшеронском — прошел он суворовскую школу боя. 18-летним юношей Селунский отличился в штурме Очакова, за что производится в капитаны и награждается

золотым знаком. В войне с Польшей он участвует в штурме крепостей под командованием самого Суворова. В царствование Павла Селунский, как представитель передовой суворовской школы в армии, подвергается опале. Он увольняется от службы без чина, и в течение четырех лет, несмотря на просьбы, был вне армии, живя в родном селе Новая Пятина Нижне-Ломовского уезда.

В 1812 году отставной полковник, имеющий пятерых детей, снова опоясался боевым мечом. Командуя 1-м пензенским пехотным полком, он сделал свой полк лучшим во всем Поволжском ополчении. Как и Дмитриев, Селунский был награжден тремя боевыми орденами. Селунский оставил интересные записки о походе Пензенского ополчения. Уже на склоне своих лет — в 1831 году — он принимал деятельное участие в борьбе с холерой в Пензенской губернии.

В сентябре 1812 года по просьбе генерал-лейтенанта Толстого Кутузов распорядился выдать ополченцам 10.000 ружей. По личному указанию Кутузова с 28 сентября Толстой начал смотр всех полков Поволжского ополчения, в том числе и Пензенского. В рапорте царю после смотра он докладывал: «Ополчение сие скоро доведено будет до такого устройства, что может с успехом действовать по повелению генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова и окажет услуги

своему отечеству». *)

Из пяти губернских ополчений, входивших в состав 3-го округа, только пензенцы имели свою артиллерию—четыре пушки.

По первоначальному замыслу командования предполагалось, что Поволжское ополчение будет действовать на левом фланге кутузовской армии—в районе Калуги, но после знаменитого сражения при Малоярославце, когда армия Наполеона начала отступать, генерал-лейтенанту Толстому было приказано изменить маршрут и следовать на Орел, Глухов, в малороссийские губернии. «Сим распоряжением,—писал Александр первый,—прикроются изобильные наши провинции на случай какого-либо неприятельского со стороны сей покушения».

К концу октября Поволжское ополчение было готово к походу, но приказа о выступлении не поступало в течение двух месяцев. Эти два месяца стояния на месте отразились на дисциплине в ополчении, особенно среди офицеров, часть которых от безделья занялась карточной игрой, не обращая внимания на обучение и снабжение воинов. Ополченцы, расквартированные по крестьянским избам, были предоставлены себе. Провиантмейстеры, некоторые офицеры и даже полко-

---

*) В. Р. Апухтин. Очерк формирования дворянством Пензенской губернии ополчения. М. 1912. Приложения, стр. 21.

вой командир 3-го пехотного полка подполковник Кушнерев расхищали средства ополченцев, оставляя их без хлеба в течение двух-трех дней. С ненавистью смотрели ополченцы и на окрестных помещиков, которые остались отсиживаться в войну в своих поместьях, торгуя попрежнему крепостными людьми.

Все это породило возмущение в двух полках Пензенского ополчения, стоявших в Инсаре и Чембаре в декабре 1812 года. Интересно свидетельство чиновника Залесского, которому губернатор поручил расследование о причине возмущения ратников в Чембаре. Залесский доносил, что «все ратники кричали, что их не кормят, что они голода терпеть не станут».

Восставшие в Инсаре воины 3-го полка избили подполковника Кушнерева, сняли с него одежду и ордена и выбрали командира из ополченцев. В Чембаре дело дошло до вооруженного столкновения с воинской ротой, посланной на усмирение ополченцев.

В своих записках офицер ополчения Шишкин пишет о намерениях ополченцев: «Они хотели, истребив офицеров, отправиться целым ополчением к действующей армии, явиться прямо на поле сражения, напасть на неприятеля и, разбив его, потом с повинной головой предстать перед лицо монарха и в награду за свою службу выпро-

сить себе прощение и вечную свободу из владений помещиков».

* * *

В декабре 1812 года Поволжское ополчение получило приказ к выступлению в поход.

Пензенское ополчение приняло боевое участие в заграничном походе русских войск в 1813—1814 годах. Заграничный поход русских войск имел целью окончательный разгром наполеоновских армий, уничтожение господства Наполеона над Европой, ликвидацию возможности нового вторжения в Россию. В заграничном походе на долю Пензенского ополчения выпала серьезная боевая задача — участие в блокаде знаменитых крепостей Дрездена, Магдебурга и Гамбурга, в которых находились войска Наполеона.

3 января 1813 года пензенская дивизия выступила из родных мест в поход через Тамбов, Курск, Прилуки, Киев. В конце августа, пройдя около 3.000 километров, ополчение вступило на территорию Германии.

Немцы враждебно встретили русские войска. Селунский в своих походных записках пишет о немцах: «Жители оного края вообще очень грубы, и хотя они считаются нашими союзниками, но в душе своей русских ненавидят и обращаются с ними хуже, нежели с неприятелем, варварским образом поступают с больными, не давая им ни пристанища, ни пищи, и без жалости смотрят на

умирающих под их окнами. У больных офицеров отнимают лошадей, оставляя их валяться по улицам, и многие сему подобные делают бесчинства. Одним словом, я не знал народа грубее и бесчеловечнее». *)

7 сентября 1813 года командующий армией, в которую вошло Пензенское ополчение, генерал Бенигсен предписал Толстому следовать в Богемию с теми только полками, которые он и присланный от императора флигель-ад'ютант полковник Закревский признали способными к боевым действиям. Пензенское ополчение было признано готовым к боям и получило приказ следовать в Богемию.

В знаменитой Лейпцигской «битве народов» 6-7 октября 1813 года отличился конно-казачий полк Пензенского ополчения. Представляя к награде командира этого полка полковника Безобразова, Бенигсен писал: «С отличной храбростью и расторопностью действовал в сем сражении и повел два эскадрона в атаку, которые решили участь французских латников».

Пехотные пензенские полки вместе со всем Поволжским ополчением под командой Толстого расположились у крепости Дрездена. Французские войска маршала Сен-Сира искусно укрепились в Дрездене. «Около всего города,—пишет Селунский,—построены сильные редуты с глубокими рвами, во рвах палисады,

*) Фонд ученой архивной комиссии, дело 183.

всё оные соединены между собою валом или каменной стеной, и каждая батарея одна другую защищает. Потом идет другой ряд укреплений, третий и т д.».

Узнав об отходе главных русских сил к Лейпцигу, Сен-Сир решил внезапным ударом, прорвав кольцо блокады, разгромить «длиннобородых мужиков», как он пренебрежительно называл ополченцев. Четырьмя густыми колоннами Сен-Сир начал свое наступление на центр и левый фланг ополчения. В центре как раз и находились все 3 пензенских пехотных полка. Им пришлось вынести сильнейший натиск неприятеля, имевшего численное превосходство и лучшее вооружение.

Ополченцы сражались с изумительной храбростью. Гвардии капитан Левшин, командуя батальоном, трижды отражал бешеные атаки неприятеля с большим для него уроном, во время самого сильного огня, по словам генерала Толстого, служил для подчиненных примером редкой неустрашимости. Левшин был награжден орденом Анны 2-го класса. Успешно действовали в бою артиллеристы четырех пензенских орудий. Рядовые ополченцы, как львы, бросались в штыковую атаку на врага.

Бои под Дрезденом шли в течение 20 дней. Сен-Сиру вначале удалось потеснить ополченцев, но уже через пять дней—10 октября—ополченцы перешли от обороны к наступлению. Одним из первых перешел в

контратаку 1-й пензенский полк, занявший местечко Донау. Крепость Дрезден с гарнизоном, состоявшим из 34 тысяч солдат, 1.759 офицеров и 22 генералов, сдалась русским войскам 30 октября.

Командующий корпусом генерал Толстой дал высокую оценку распоряжениям командира Пензенского ополчения полковника Дмитриева. Представляя его к чину генерал-майора, Толстой писал: «В делах, бывших при Дрездене, быв старшим по ополчению и командуя бригадой, распоряжался ею с похвальным благоразумием и в самых сильных сражениях личной храбростью своей был отличным примером для подчиненных своих».

Из Дрездена ополчение пошло к Магдебургу. Не доходя до этой крепости, пензенский конный полк, шедший в авангарде, встретил большую колонну неприятельской пехоты. Стремительным налетом пензенцы-кавалеристы напали на колонну и обратили ее в паническое бегство.

Командующий армией Бенигсен в приказе по армии поставил этот подвиг примером для всей кавалерии. Приводим приказ полностью:

«Приказ по Армии.

Главная квартира ноября 3 дня
Город Кальбе. 1813 года № 84-й.

Пензенский конно-казачий полк, будучи 27 числа минувшего октября при Магдебурге в деле против неприятеля, в виду войск, бывших в сем действии, пошел в атаку на не-

приятельскую пехоту, в колонне шедшую, расстроив оную, взял одно орудие—подвиг таковой и отличие сего полка может служить примером кавалерии. Отдавая оному должную справедливость, я не оставил донести об оном Его Императорскому Величеству.

Подписал генерал от кавалерии граф Бенигсен».*)

По взятии Магдебурга пензенские полки поступили в состав колонны генерал-лейтенанта Маркова, кавалера пяти орденов, человека большой храбрости. Русские войска в составе трех колонн—Маркова, Толстого и Дохтурова—с 27 января начали осаду Гамбурга—сильнейшей крепости, защищаемой знаменитым маршалом Наполеона—Даву. Колонна Маркова получила задание овладеть важными стратегическими пунктами—островом Вильгельмсбург и мостом через Эльбу.

За четыре часа кровопролитного боя остров был взят, началась упорная борьба за мост. С потерей моста Гамбург становился окруженным, поэтому Даву до последней возможности защищал его. Поволжскому ополчению, в авангарде которого были пензенские полки, в результате упорного боя удалось овладеть важной высотой около моста. Французы трижды пытались атаковать занятую высоту, но все три раза были отброшены штыковыми

*) Фонд Пензенской ученой архивной комиссии, дело № 225, лист 11.

ударами ополченцев. В то время, как шла упорная борьба за мост, два пензенских полка с частью сил Рязанского и Нижегородского ополчений сделали удачную фальшивую атаку у деревни Эпендорф, отвлекая неприятеля по другую сторону моста. В результате трехдневных боев мост через Эльбу был занят и взорван.

Представляя за отличные действия под Гамбургом к награде полковника Селунского, генерал-лейтенант Марков писал: «Находясь со вверенным ему полком, действовал при атаке Нейгофа и Вильгельмсбурга, благоразумными своими распоряжениями и храбростью своей много способствовал окончанию дела».

29 марта 1814 года, после ряда крупных сражений, главные силы русской армии и армии союзников вошли в Париж. Французы, измученные непрерывными наполеоновскими войнами, с радостью встречали русских, которых они считали единственными победителями Наполеона.

Полковник Селунский, отмечая это отношение французов к русским, пишет: «Достойно замечания и забавно видеть, как французы обращаются с нами и австрийцами. К русским они не питают ни малейшей ненависти, напротив, уважают народ наш и войско и откровенно в том признаются. Австрийцев же явно в глаза ругают, говорят, что они лучше согласились бы умереть с голода, нежели от-

даться им на капитуляцию, называя их подлецами и трусами. Правду сказать, они сего достойны. Солдат австрийский горд и груб везде, где видит свое превосходство, но в деле при малейшем сильном нападении или бежит или отдается в плен».

Известие о взятии Парижа было встречено в России всеобщим ликованием. Русский народ праздновал окончание войны и победу. Во всех городах и селах Пензенской губернии состоялись торжественные молебны, после которых на площадях и улицах открылись празднества с пивом и вином, фейерверками и различными увеселениями. Жители на радостях вносили большие пожертвования в пользу инвалидов войны, сирот и вдов. В Пензе и уездных городах губернии целый день звонили колокола и стреляли из пушек.

В Краснослободске на площади, залитой красным светом фейерверков, при «множественном стечении народа» знакомый уже нам священник Фома Меликов произнес торжественную речь о славе русских:

«Сыны России, Отечество наше наверху славы и побед! Вспомните начало. Вначале враг, как неистовый Запада Аттила, дерзновенно появился на берегах Немана. Враждебные его полчища, подобно сильной буре, вломились в пределы Отечества нашего, вначале, говорю, как огнь и меч, превратил он в пепел Смоленск и его окрестности, весь свет тогда сказал: «Погибла Россия». А ныне! Где

теперь Наполеон, столь страшный и кичливый враг Европы? Где его многочисленные войска, угрожавшие разорением и опустошением градов российских? Бородинское поле стонет под тяжестью мертвых тел их, Березина протекла кровью их... Сыны России! Отечество наше наверху славы и побед! Париж взят! Враг низвергнут! Что более желать для славы Северной? Посмотри, корсиканец, в какую бездну вовлекло тебя непомерное честолюбие твое! Сыны России! Се слава россов! Трепещи, враг!»*)

На торжествах не было, однако, ни ратников, ни ополченцев. Поволжское ополчение находилось еще в Гамбурге. Под Гамбургом 20 апреля 1814 года ополченцы узнали о том, что Париж занят, Наполеон низложен и сослан на остров Эльбу. Но даже и после низложения Наполеона маршал Даву упорствовал и защищал Гамбург; лишь через десять дней по получении этого известия, окруженный со всех сторон русскими полками, Гамбург сдался. Победный парад русских войск в Гамбурге явился завершающим торжеством героических дел ополченцев. В Европе гремела боевая слава русских богатырей.

Пензенские ополченцы, с победоносными знаменами пройдя через Голштинию, Мекленбург, Пруссию, Гродно, Могилев, Тулу, Ряжск, 14 апреля 1815 года пришли в Моршанск.

---

*) Канцелярия пензенского губернатора, дело № 474.

Найденное нами в Пензенском областном архиве дело со списками ополченцев, вернувшихся из заграничного похода, сообщает ряд интересных сведений об ополчении.

Из 7.246 воинов, находившихся в трех пехотных полках Пензенского ополчения, вернулось в Моршанск 4.513 человек. Кроме того, возвратилось из заграничных и русских госпиталей 1 036 воинов-инвалидов. Около 500 человек умерло в заграничных госпиталях—дрезденском, белостокском, пражском. Свыше двух тысяч воинов пали в боях. *)

Среди вернувшихся воинов только в двух полках находилось свыше 200 ополченцев юношей 16—17-летнего возраста. Здесь были даже 13- и 12-летние ополченцы, выполнявшие обязанности барабанщиков, связных и разведчиков.

Многие из юношей прославили себя в боях с неприятелем. Крестьянин-ополченец села Андреевки Нижне-Ломовского уезда 16-летний Иван Гусев за отличные действия и храбрость был произведен в унтер-офицеры и награжден двумя георгиевскими крестами. 14-летние юноши Егор Пришков из села Бессоновки Пензенского уезда и Михаил Ханжин из села Вазерки Мокшанского уезда также вернулись на родину унтер-офицерами с боевыми знаками отличия. Аким и Андрей Ивановы из села Долгоруково Мокшанского

*) Канцелярия пензенского губернатора, дело 501.

уезда, служившие в одной роте, проявили себя неустрашимыми разведчиками.

Рука об руку с героями-юношами сражались седобородые воины. 60-летний крестьянин села Поляны Чембарского уезда Матвей Серов заслужил два георгиевских креста. Унтер-офицерское звание завоевал крестьянин села Кирилловки Мокшанского уезда 55-летний Василий Обыденный.

Героем вернулся крестьянин села Овчарни Нижне-Ломовского уезда Кузьма Яковлев, который под Дрезденом, будучи ранен в ногу, устоял до конца боя. Пензенец Степан Козьмин удостоился похвалы генерал-лейтенанта Шепелева, приказавшего выдать Козьмину наградные деньги.

Богатырями-суворовцами проявили себя в боях крестьяне села Маровки Мокшанского уезда рядовые Елистрат Щукин, Никита Тимофеев, Лаврентий Дементьев и 23-летний унтер-офицер Андрей Монахов. Как известно, Маровка (ныне село Суворово) была вотчиной великого полководца А. В. Суворова.

* * *

Свыше 130 лет отделяют нас от отечественной войны 1812 года, но славные дела наших предков живут в сердцах советских людей. Память о них жива, она вдохновляла воинов Красной Армии на борьбу с немецкими захватчиками.

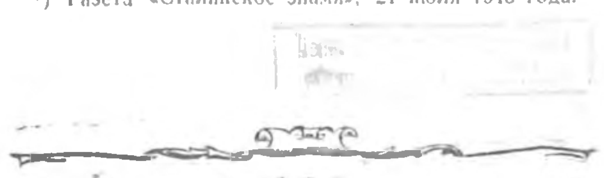
Трудящиеся Пензенской области самоотверженным трудом в колхозах, на заводах, заботой о раненых бойцах, сбором средств и подарков Красной Армии продолжили лучшие традиции своих предков-патриотов.

В июле 1943 года председатели колхозов Пензенской области писали товарищу И. В Сталину:

«С честью и доблестью выполняют свою великую освободительную миссию воины Красной Армии, в рядах которой сражаются многие пензенцы. Имена Героев Советского Союза Анатолия Краснова, Михаила Осипова, Семена Байкова, героя Сталинградской обороны Василия Кочеткова широко известны в нашей стране. Эти славные воины—наши земляки, пензенские рабочие и колхозники, достойные внуки и правнуки пензенских ополченцев 1812 года, которые доблестно сражались под знаменами фельдмаршала Кутузова» *)

---

*) Газета «Сталинское знамя», 21 июля 1943 года.

Издательство газеты „Сталинское знамя"

Пенза. Улица Кирова, 65.

Вышли из печати:

Писатели-земляки о Родине. (Радищев. Лермонтов. Белинский. Огарев. Салтыков-Щедрин).

В. Г. Короленко. В успокоенной деревне. Предисловие С. В. Короленко.

Д. Благой. Александр Николаевич Радищев.

В. Нечаева. Виссарион Григорьевич Белинский.

А. Храбровицкий. Замечательные места Пензенской области (Суворово. Чембар. Тарханы. Верхнее Аблязово. Дубровка и Кромщина).

А. Анисимова. Песни про войну.

Готовятся к печати:

В. Мануйлов. Михаил Юрьевич Лермонтов.

В. Нечаева. Иван Иванович Лажечников.

М. Сокольников. Константин Аполлонович Савицкий.

3494 19/XII

Цена 3 рубля